

С чего начинается Родина? И где она есть? Что такое правда и как ее доказать? Эти вопросы не давали покоя Василию Охримчуку всю жизнь до самой старости.

- Батя, ты воевал? — спрашивали дети, когда были малы. — Конечно, почти восемь лет, — утверждал он.

- А почему наград нет? — добивались сыны. И не было ответа на этот вопрос. Он молча отводил глаза. А жена его Вера, выпроваживая ребят гулять, всякий раз убеждала мужа:

- Ты верь, Василь, правда-то она придет на нашу улицу.

- Вера ты моя, Верушка, сколько ждать-то. Скоро костлявая позовет, а правды так и не дождусь...

Порой Василию казалось, что он живет чьей-то чужой жизнью, а тот белорусский парнишка сгинул в вечной мерзлоте далекой Аляски еще в 40-м, так и не дождавшись амнистии, спустился в шахту с такими же зеками и не поднялся после смены.

... Деревня Конюхи, откуда был родом, находилась в польском подчинении, хотя жили в ней в основном белорусы. В 39-м призвали Василия Охримчука в польскую армию. И закурило по жизни. Фашисты оккупировали Польшу. Необстреля-

СОЛДАТСКИЕ СУДЬБЫ

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ

ный солдат попал в плен, бежал с группой таких же молодых солдатиков. Кто ж тогда знал, по какой территории идут. Попал на советскую. "Шпион", — утверждали красные своему командиру, доставив его в тюрьму.

Еще в зоне, слушая радио, узнал, что на территории Советов формируется польская армия для борьбы с фашистами на стороне союзника СССР — Англии. Думка запала в голову. Василь не оставлял ее несколько месяцев. И только после амнистии попал в Саратов, неподалеку от которого формировалась армия генерала Андерса. Несколько недель учебы, и польское войско с русской территории переправили в Турцию через Персию, Палестину, Ирак, Египет.

«Проходил службу на Ближнем и Среднем Востоке, в Италии. Здесь принимал участие в боях в районе рек Сангро и Репидо за Монте Казимо.

31 декабря 1944 года переведен в 25-й полк польских уланов. 5 февраля 1947 года убыл в сборный лагерь 5-й

пехотной дивизии Кресова и поступил в демобилизационный центр № 1» (из документов).

Пока Василь воевал в далеких границах, родная деревня стала советской. Его уже не чаяли увидеть живым. Отец, так и не дождавшись, умер, а вот

бабка Ульяна встретила внука.

Рассказам Василия о военных дорогах в неведомых в этих краях странах не верили. Мужики, подсмеиваясь, слушали небылицу. Было досадно, когда односельчане хвалились подвигами и наградами, подтвержденными всяческими казенными бумагами. У него не было почти ничего... «Может, он шпион от англичков», — судачили бабы у колодца...

1 апреля 1951 года всех Охримчуков забрали, включая даже преклонного возраста бабушку Ульяну, сослали в Сибирь. Вагон отцепили в Черемхово. Этим же составом прибыла сюда девушка Вера, пережившая немецкое трудовое рабство и сосланная по известной статье. Так встретились два горемыки (как они себя называли), встретились, чтобы не расставаться. Барак по ул. Невского стал их домом на долгие годы. Возле молодой женщины, жизнерадостной, умевшей уговорить и успокоить, Василий стал отходить душой. В 35 лет он держал на руках первенца.

Отмечались в комендатуре,

работали в строительном управлении. И только в 58-м году сняли с него клеймо ссыльного и разрешили переписываться. Охримчук начал писать везде, запрашивать архивы, добиваться справедливости. Почти 20 лет писал, а потом бросил. Вышел на пенсию, занимался хозяйством, вроде бы успокоился. Жизнь продолжалась. Выросли дети, разлетелись из родного дома, пошли внуки. Обида жила глубоко в сердце, как заноза. Он не признавался никому, но близкие чувствовали. И тогда начала писать дочь Татьяна. Опустим все подробности этой переписки, в результате которой почти не верили. И все же пришел в их дом праздник. Накануне юбилея Победы пришли ответ и награды — два креста за Монте Казимо и две медали за оборону из далекой Англии.

Старый Охримчук плакал. Вера Владимировна лежала в больнице. Дети и внуки поздравляли отца. А он при заморских наградах в больничную палату.

- Смотри, Верушка... Получил. И еще придут из Польши. Теперь уже сам верю, дождусь...

Лично мэр обещал и квартиру. Трудно жить старикам в ветхом бараке.

Н. БРУЙ.

Фото из семейного архива.